

УДК 82'396, 81'42

Особенности функционирования обряда «Проводы русалки» на территории брянско-гомельского пограничья

Стародубец Светлана Николаевна

Доктор филологических наук, профессор,
кафедра социально-экономических и гуманитарных дисциплин,
Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского,
241036, Российская Федерация, Брянск, ул. Бежицкая, 14;
e-mail: starodubets.madam@yandex.ru

Белугина Ольга Владимировна

Старший преподаватель,
кафедра социально-экономических и гуманитарных дисциплин,
Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского,
241036, Российская Федерация, Брянск, ул. Бежицкая, 14;
e-mail: obelugina@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию структуры и семантики обряда «Проводы русалки», который и в настоящее время функционирует на территории брянско-гомельского пограничья. Рассмотрены два региональных варианта восточнославянского «обрядового текста» – русский и белорусский. Русский региональный вариант обряда воспроизведен методом интервьюирования респондентов, постоянных жителей села Спиридонова Буда Злынковского района Брянской области, белорусский – методом видеофиксации проведения обряда и методом интервьюирования респондентов, постоянных жителей села Усохская Буда Добрушского района Гомельской области. Установлено, что структура обряда и в настоящее время носит традиционный архаический характер, семантика обряда спроецирована двумя составляющими: акциональным значением «проводы» и мифологическим образом «русалки» – духа водной стихии и поля. Отмечено, что амбивалентность образа русалки связана с его восприятием восточными славянами одновременно как «созидательного» и «разрушительного» духа. Описано символическое значение обряда, представленное как «оберег от несчастья», «защита от вредоносного воздействия насекомых и птиц», «моление о дожде», «проводы духа в мир невидимый с целью донести до Бога все

прошения людей». Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 15-24-01006 «Этнографические и лингвокультурологические особенности обрядового фольклора брянско-гомельского пограничья»

Для цитирования в научных исследованиях

Стародубец С.Н., Белугина О.В. Особенности функционирования обряда «Проводы русалки» на территории брянско-гомельского пограничья // Культура и цивилизация. 2016. № 4. С. 438-448.

Ключевые слова

Мифологическое представление, обряд, русальная неделя, символическое значение, амбивалентность.

Введение

Семицко-русальная обрядность, которая восходит у всех восточнославянских народов к общеславянской традиции, с течением времени видоизменялась. Национальные особенности преломлялись в региональных версиях, интерпретациях базовых обрядов.

Истоками дошедших до наших дней остаточных фактов *русальной* обрядности являются древние мифологические представления о духах водной стихии и поля, которые в эксплицированном виде и в настоящее время сохраняются в большей степени на территории Беларуси, такими, как *полудница* и *полевик*: «Як аграрна-анімістычны дух эманация вегетатыўна-прадукавальных патэнцый стыхій прыроды, а таксама як тэмпаральны персанаж траецка-купальска-пятроўскага часу, русалка карэлірвала з іншымі земляробчымі міфалагемамі і найперш – з вобразамі-персаніфікацыямі палявых раслінных локусаў»; «Толькі русалка ўвасабляе гранічна-пераходную каляндарную семантыку ўсяго траецка-купальска-пятроўскага часу, а палудніца і палявік – лакальную сутачна-часавую гранічную пераходнасць, звязаную з уяўленнямі пра найбольшую дзенную актыўна сонца менавіта апоўдні» [Сівіцкі, 2013, 54-55].

В общеславянской духовной культуре, как известно, веское значение придавалось *русальной неделе* (которая следует за Троицей, и называется также *гряной*), с обязательными заключительными проводами русалок, имевшими такие архаические элементы, как ряжение девушки русалкой, изгнание русалки в рожь, массовый характер обряда с пением, грохотом, игровыми элементами [Агапкина, 2009, 501-503].

По представлению древних славян, именно накануне Троицы русалки покидали свои владения под водой и переселялись в кроны зеленых деревьев, и потому их даже можно было заметить на ветвях или в поле.

В эту неделю нельзя было купаться, так как считалось, что русалка может защекотать и утащить в воду.

Поверья о русалках и в настоящее время сохраняются на территории брянско-гомельского пограничья.

«Каўда́ на Тро́ицу руса́лку насі́ли, мы ў дэ́тстве, мы по́мним, пры́талісь ў до́ме, о́кна заштóривали бе́лым, пачиму́-то бе́лым, прóстынямі, и мы патсмáтривали. У нас дом на приуóрке был, а яе няслі́, на́ряжа́ли и уде-та ў жы́те яе бра́ли, из жы́та няслі́. Руса́лку изабража́ла жэ́нщина с валаса́ми. Няслі́ яе на насі́лках, на ка́кіх се́на но́сят, каўда́ ў ко́пны но́сишь, вру́чную, каўда́ касі́ли. Жэ́нщина далэ́жна́ бы́ть памало́жэ. Ана́ сиде́ла на насі́лках, ў бе́лам, во́ласы распу́щены, сряди́нка насі́лак пу́стáя, но́уи све́шаны. Ее няслі́ четы́ре му́ціны. Лица́ ни бы́ло ви́дна, ана́ ўся бы́ла ў валасах. Яе бра́ли, как у нас называ́ли Леса́прарéх – нача́ла дере́ўни. Пранасі́ли яе че́риз ўсе сяло́. Нильз́я бы́ло патсмáтривать, но де́ти ўсе равно́ патсмáтривали. А патóм, каўда́ яе пранасі́ли, де́ти выбя́ўали и следóм бижáли, а каўда́ то́лька внасі́ли ў сяло́, ў до́ме пры́талісь и патсмáтривали. Затем яе вынасі́ли за дярéўню. А ка́кой абря́т там бы́ў, я ужэ́ ня по́мню» (Записано от Анны Павловны Ващекиной, 1927 г.р., с. Спиридонова Буда, Злынковский р-н, Брянская область, РФ).

«Лічылася, што ўвечары нельга хадзіць купацца, бо русалкі могуць зацягнуць у ваду (Записана ў в. Усохская Буда Добрушского района ад Ярмошкінай Матроны Сцяпанаўны, 1938 г.н.)» [Новак, Кастрыца, 2007, 146].

«На Тро́ицу нельга было ехаць ці ісці цераз жыта, бо русалкі нападуць і зашчакочуць. Тады, каб спасціся, нада нарысаваць на зямлі крэст, абкружыць і стаць у круг (Записана ў в. Салтанова Рэчыцкага р-на ад Кляцоўскай Марыі Іванаўны, 1935 г. н.)» [там же].

Л.Н. Виноградова, автор словарной статьи «Русалка» в этнолингвистическом словаре «Славянские древности» под ред. Н.И. Толстого, отдельно описывает обряд «Проводы русалки»: «В южнорусских областях на востоке украинско-белорусского пограничья по истечении «русальной недели» совершался ритуал символического выпроваживания или изгнания Р. Он назывался *проводы /вождение русалки* или, реже, *палить русалку* (бел. гомел.), *топить русалку* (укр.), *гнать/прогонять русалку* (рус. рязан.), *хоронить русалку* (рус. рязан., воронеж.), *закопывать русалку* (бел. гомел.), *топтать русалку* (рус. смол.). У русских обряд чаще всего происходил в воскресенье Русальной недели или в первый день Петровского поста.

В некоторых местах русалок «проводили» в Клечальную субботу накануне Троицы (тул.), в Духов день (астрахан.), во вторник на Русальной неделе (рязан.), в день заговенья на Петров пост (саратов., рязан.).

В восточном Полесье ритуал приурочен к первому понедельнику Петрова поста. Обряд представлял собой шествие по селу или выход за пределы села группы участников, которые сопровождают ряженого, именуемого русалкой» [Виноградова, 2009, 500-501].

Что касается хрононима, то его семантика определена этимологически: «*Русалка, Русальная* неделя – русские; *Росальница* – белорусы, *русалье* – сер-

бы и черногорцы; *русальские святки* – словенцы; *росалия* – греки; *русале*, *русалии* – румыны и молдаване; *русальда* – чехи и словаки и т. д. В этих названиях очевиден единый индоевропейский корень со значением «светлый», «ясный», «русый», который в первую очередь характеризует пик солнечного года – время солнцестояния» [Тульцева, 2013, 248].

В работе Л.Н. Виноградовой «Русалки в полесских верованиях и обрядах» в подразделе «Цветочное имя русалки» подчеркнута и связь наименования с древним «поминальным обрядом возложения роз на могилы безвременно скончавшихся людей, <...> зафиксированном в первых веках н. э. в Итальянских областях, в Балкано-Дунайском регионе и на северо-западе Малоазийского региона» [Виноградова, 2009, 197]

Как отмечает Л.Н. Виноградова, «<...> в пределах Полесья он (т. е. обряд «Проводы русалки» – пояснение наше: С.Н.С, О.В.Б.) локализуется в его восточной зоне (значительная часть Гомельской области с захватом пограничных районов Брянской, Черниговской, Житомирской областей), а за пределами Полесья – в границах южнорусских областей (Рязанской, Тульской, Тамбовской, Саратовской, Пензенской, Воронежской). По территориальному охвату этот обряд признается преимущественно южнорусским» [там же, 167].

Символическое значение русальских обрядовых действий в традиционной русской национальной культуре достоверно представлено в работе Г.Я. Сысоевой [Сысоева, 2002, 43] и определено как:

- 1) подавание от каждого двора во время обхода «напоминает нам древние пожертвования и сегодня воспринимается как оберег от несчастья»;
- 2) связь обряда с культом весенней растительности и праздником Ивана Купалы;
- 3) «сила русалки воскресает в стеблях злаков»;
- 4) моления о дожде для окончательного созревания зерновых культур;
- 5) «в похоронах-разламываниях русалки у ржаного поля отразилось поклонение ржи как древнейшей зерновой культуре»;
- 6) действие в форме «изгнания-похорон нечистой силы, которая приписывается русалке» – результат поздних трансформаций.

Помимо этого, «в мифологизированном сознании образ Русалки аграрного ритуала воспринимался причастным к возрождению сил природы и покровительствующим участницам русальских игрищ как продолжательницам рода, что наиболее ценилось в образах и символах традиционной картины мира. <...> Таким образом, наряжаясь «в русалки» и на время воспринимая себя «русалками», все словно ощущали свою связь с силами житного поля, дающего жизнь, силами льняного или конопляного поля, дарующего одежду, с вечерней зарей – временем, когда провожали русалку, и многим другим, чего мы уже никогда не узнаем и отчего души людей от поколения к поколению оскудевают все явственнее» [Тульцева, 2013, 252].

Структурная и семантическая составляющие Троицкого обряда «Проводы русалки»

Опишем структурную и семантическую составляющие Троицкого обряда «Проводы русалки», функционирующего на территории брянско-гомельского пограничья.

Названный обряд действительно является ярким специфическим фактом весенне-летнего фольклора и Брянщины, и Гомельщины. Со стороны Брянской области он функционирует в Злынковском районе, граничащем с Беларусью; со стороны Гомельской области – в Добрушском районе, граничащем с Россией.

Временем проведения обряда является Троицкая неделя, однако в селе Усохская Буда Добрушского района – это воскресенье «грязной» недели, время заговенья на Петров пост, в селе Спиридонова Буда Злынковского района – это вторник «грязной» недели (хотя в селе Рогов Злынковского района также в воскресенье).

Сохранившиеся до сегодняшнего дня среди местных жителей Восточного Полесья мифологические представления о русалках, как духах водной стихии и поля, подтверждают разнообразные версии относительно происхождения русалок. Действительно, наиболее распространенными являются верования в то, что русалки – это души некрещеных детей, утонувших от несчастной любви девушек («Все свидетельства акцентируют внимание на факте, что русалками становились в основном девушки и дети, т. е. умершие преждевременно, «до срока», и гораздо реже – в результате насильственной смерти. <...> Категория тех покойников, которые умерли в молодом возрасте, <...> считалась – по народным представлениям – особенно опасной, поскольку именно такие умершие становились «ходячими», т. е. посещали живых, тревожили их, пугали, могли навредить» [Виноградова, 1986, 92]).

Необходимо отметить, что образ русалки в полесских поверьях имеет амбивалентный характер: с одной стороны, русалок боялись, их задабривали, с другой стороны, – с ними связывали надежды на хорошую урожайность зерновых культур [Лин, 2003, 110-114].

В работе Л.Н. Виноградовой «Мифологический аспект полесской «русальной» традиции подробно описан полисемантический характер образа русалки, установлено, что амбивалентность определена следующими составляющими: с одной стороны, связью с «нечистью, опасной и вредоносной силой»; с другой стороны, – «с вегетативным культом, с растительностью, березой, с идеей плодородия и урожайности» [Виноградова, 1986, 92].

Обратимся непосредственно к фактологической культурологической информации, полученной нами методами наблюдения и интервьюирования.

Наиболее подробные сведения об обряде проводов русалки записаны нами в деревне Усохская Буда Добрушского района, так как и в настоящее время обряд продолжает достоверно функционировать фактически, а не воспроизведен только по воспоминаниям респондентов.

До сегодняшнего дня сохранился обычай проводить русалку всем селом с участием молодежи и людей старшего поколения. Особенности русальной обрядности в селе Усохская Буда являются такие элементы, как выбор русалки, ряжение в русалку и юноши, и девушки (исполнителей «прикрепляют» друг к другу веревками, и с головы до ног обвязывают ветками березы и ольхи, украшают цветами, лицо также закрывается зеленью), обход с русалкой подворий и проводы ее в жито, «разбирание» русалки (ветки березы, которыми украшали русалки, относят на огороды, чтобы медведка не ела ни капусту, ни свеклу).

26 июня 2016 года такой обряд был записан авторами статьи на видеоносители и диктофоны.

Как отмечает Валентина Павловна Аверченко, заведующая клубом, 1962 года рождения, постоянный житель села: *«Абры́д тако́й у нас праводи́цца по́сле Троби́цы на сле́дующей няделе. Сабирáицца маладеж, иду́т на кра́й ся́ла, убирáют русáлку вéтками. Ламáют вéтки бярезы и альхи́, украша́ют цветáми. Патóм вяду́ть на ўлице. Иду́т на ўлице, и каўда́ вóзле двара́ стая́т жы́тели, ани́ дéлают паклóн, приулаша́ют к сябé, што́бы присаедiniáлись и шли́ да́льше. Патóм иду́т и паю́т пэ́сню: «// На уряно́й неде́ле / Русáлки сидéли. / Ой рáна, рáна / Русáлки сидéли...//». Каўда́ вывóдят на край ся́ла, патóм ужé яе разбира́ют. Э́ти вéтачки забирáют жы́тели дамóй и ста́вят в аўарóды. Э́та азнача́ит, што́ е́сли ани́ на аўарóде паты́ркивають, значит ни́ бóдут мядвéтки е́сть, абъедáть. Е́ще азнача́ет, што́бы был́ луч́ше уражáй. Вот каўда́ нет даждя́, мы прóсим у Бо́га, што́бы был́ луч́шэ уражáй. Патóм ужé начинáюцца та́нцы, цу́рая ўармóнь, ўсе́ висяля́цца. Уприуóжсьню́т хлóнца и дяўчи́ну, кали́ ни палучáецца, тада́ адну́ или то́лька хлóпцы. Каўда́ ани́ пабóдут русáлками, дяўчи́на и хлóпци, то яны́ мо́гут за́муш выхóдять, и так савпа́дала, што́ за́муш выхóдять. (Когда возник обряд?) Вазни́к óчень даўно́, каўда́ я и́ще ма́ленькай была́. В савéцкая ўрэ́мя ни забраня́ли. То́лька в адно́й дяре́ўне. Ра́ньшэ́ бы́ла и в Андрéиўке, убирáли русáлку. И у нас. Ани́ шли наўстрéчу адна́ адно́й, и ужé тада́ разбира́ли. Бы́вала́ тако́я, што́ жанíлись, хто́ бы́ли русáлками. Русáлку ани́ ш увóдят ў жы́та. Старéйшыя жанíцыны ўавóря́т: «Кали́ привяду́ть русáлку, Ни идíте ў жы́та, Там русáлка сидíть».*

Тамара Павловна Михейцева, 1960 года рождения, бывшая заведующая клубом, в дополнение к сказанному подчеркивала: *«К русáлке ни патпуска́ли. То́лька пат рúчки виду́т русáлку падрúшки. Русáлке на́да бы́ла пóчести атда́ть, паклани́цца в атвéт. Ўсеўда́ убирáли русáлку на захóде со́лнца, по́сле каро́ў, да темна́га (*до вечера). Каўда́ разбира́ли русáлку, пéли: «// Привя́ли русáлку / В зиленае пóле. / Снíмем з русáлки / Зиленае уо́олье. / Атпúстим русáлку / В чiстае пóле, / Штоб дашла́ русáлка / Да са́мага́ Бо́га. / Папрасíла у Бо́га / Жы́та да пшани́цы. / Жы́та да пшани́цы, / Зяленую трави́цу, / Трави́цу зяленую, / Жы́зненьку вясе́люю. // Каўда́ разабра́ли русáлку, вéтачку абязáтельна ўзя́ть. Ўсе́ ш на́да паўтыка́ть. Бя́реза — э́та жы́знь наша. Аси́на — э́та ат ўся́кай не́чисти. Альха́ — э́та што́б за́муш дéўке пайти́, а хлóпцу пажанíцца».*

Пелагея Дорофеевна Моисеенко, 1926 года рождения, отметила: *«Калі не было даждэй, бабушки после Русалля брали плуу и вакруу дярэўни вазіли. И дождь пойдя».*

Зафиксированный обряд является ярким свидетельством того, что и в настоящее время архаические верования и представления восточных славян обусловлены мифологическим сознанием, способом освоения мира посредством воспроизведения глубинных связей между реальным и духовным(ирреальным).

В селе Спиридонова Буда Злынковского района Брянской области от респондентов: Грищенко Валентины Ивановны, 1940 года рождения, Шкарубо Марии Тимофеевны, 1939 года рождения, Байчук Таисии Михайловны, 1948 года рождения, получена следующая информация об обряде «Проводы русалки»: *«На ўрянной русалку вóдять пóсли Трóицы ва втóрник. Ўсеўда прáзнавали на Трóицу. Наряжáли русалку в лахмóтьях. Наряжáли баевóю жыницiну. Ана атжыўáя крапiвай дятéй. Ани тада бяўтэ»;* *«Пóсле Трóицы на ўрянной русалку вóдять. У нас была ў сяле Трóицкая цэркаў, там щас стаiт Паклóнный крест. Вяселую, баевóю жэницiну наряжáли ў лахмóтья, и крапiвы натыркають ўсякáй, штоб ни уўадали. А дэти тада убяўáють. Мы идем, пэсни паем: «/ На ўрянной нидэле / Русалки сидэли. / Не рана, русалки сидэли, у-у-у. / Паведем русалку ат бóру / да бóра – ра. / Не рана, / ат бóру да бóру у-у-у. / Пастáвим русалку да вниз ўалавóю – ра. / Не рана, / да вниз ўалавóю, у-у-у./ Тут тибé, русалка, / Тут тибé сидэти – ра. / Тут тебé сидэти – ра, / варабьеў стерéчь //».* *Ана бéўаить, аджыўáя ўсе, стрыкая. <...> Русалку вядўтэ ў пóле. Ана ўсе сбрóсила ў жыте. Снимаэтэ ўсе и качáицца».*

Финальная часть приведенной песни имеет варианты. В более ранних записях (2006-2007 г.г.) от респондентов: Грищенко Валентины Ивановны, 1940 года рождения, Кирейко Тамары Филипповны, 1944 года рождения, Апанасенко Полины Андреевны, 1943 года рождения, Шкарубо Марии Тимофеевны, 1939 года рождения, Веселко Марии Викторовны, 1950 года рождения и др., – записан был следующий вариант концовки: *«/ Не рана / пше́нiцу стерéчи у-у-у / Пше́нiцу стерéчи / варабьев пугáти – ра / Не рана варабьев пугáти у-у-у-у //».*

Ключевой частью обряда является его заключительная часть, которая фиксируется и самим наименованием, т. е. «проводы».

«Главной целью обряда считалось выведение «русалки» за пределы села. Ее вели в ржаное поле, на кладбище, к реке, к лесу или «за село», «на шлях», «к мосту» и т. п. Там «русалку» символически уничтожали или прогоняли: таскали в жито, к костру, в воду, снимали с нее ветки и др. атрибуты ряженья, бросали их в воду, в огонь, в поле, за кладбище, и все участники быстро убегали обратно, в село» [Виноградова 2009, 501], при этом «обмен жизненной силой был взаимообойдным: силой обновления и плодоношения насыщалась русальская рубаха, но и ржаное поле, рожь получали в свою очередь необходимую энергию от исполнительниц ритуала» [Тульцева, 2013, 251].

Заключение

«Общая семантика обряда «проводов» может быть возведена к идее изгнания, выпроваживания, избавления от русалки (когда ритуальный период ее сезонного пребывания на земле считался закончившимся)» [Виноградова 1986, 129].

Таким образом, специфика современного функционирования обряда «Проводы русалки» на территории брянско-гомельского пограничья сформирована следующими составляющими:

1) обряд проводится на *Троицкой/грязной/русальной неделе*, которая следует за праздником христианской Троицы, во вторник или воскресенье;

2) двуплановостью семантики: акциональным значением «проводы» и мифологическим значением образа русалки как духа водной стихии и поля;

3) амбивалентность связана с двойственным восприятием образа русалки восточными славянами, т.е. с его созидательным (дух растений, зелени) и разрушительным (дух мертвых) значением;

4) структура обряда носит традиционный характер и включает следующие компоненты: ряжение, проход через все село, «разбирание»/«выпровоживание»;

5) символическое значение обряда является проекцией структуры и семантики всего «обрядового текста» [Банкова, 2006] и определено как: «оберег от несчастья», «защита от вредоносных насекомых (медведки), птиц (воробьев, в песне «На грязной неделе»), «моление о дожде», «проводы духа в мир невидимый с целью донести до Бога все прошения людей, связанные с благополучием и урожаем».

Библиография

1. Агапкина Т.А. Русальная неделя // Толстой Н.И. (ред.) Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 501-503.
2. Банкова Т.Б. Профанное и сакральное в тексте сибирской свадьбы // Вестник Томского государственного университета. 2006. № 112. С. 6-19.
3. Виноградова Л.Н. Мифологический аспект полесской «русальной» традиции // Толстой Н.И. (ред.) Славянский и балканский фольклор. Духовная культура Полесья на общеславянском фоне. М.: Наука, 1986. С. 88-133.
4. Виноградова Л.Н. Русалка // Толстой Н.И. (ред.) Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 500-501.
5. Виноградова Л.Н. Русалки в полесских верованиях и обрядах // Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000. С. 141-195.
6. Лин Д.Г. Традиции материальной и духовной культуры Восточного Полесья: Проблемы изучения, сохранения и развития в постчернобыльское время. Гомель, 2003. 167 с.

7. Новак В.С., Кастрыца А.А. Прыкметы і павер'і Гомельшчыны: укладанне, сістэматызацыя, тэксталагічная праца, уступныя артыкулы. Аўтары-складальнікі. Гомель: Барк, 2007. URL: <http://www.gsu.by/pages/Dounar-Zapolski/%D0%97%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%B-D%D1%96%D0%BA-7.htm>
8. Сівіцкі У.М. Карэляцыі міфалагемы русалкі: русалка і духі палявых раслінных локусаў // Традыцыі матэрыяльнай і духоўнай культуры Усходняга Палесся: праблемы вывучэння і захавання ў постчарнобыльскі час. Матэрыялы IV Міжнароднай навуковай канферэнцыі. Гомель. 2013. С. 54-56.
9. Сысоева Г.Я. Русалкі «ведутся» на падаркі // Человек и наука. Воронеж. 2002. № 9. С. 41-43.
10. Тульцева Л.А. Заговенье на Петров пост: этнокультурное наследие русских в образах утушки, костромы, русалки-коня // Власова И.В. (ред.). Русские: этнокультурная идентичность. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 237-262.

Peculiarities of the rite "Farewell to the mermaid" on the territory of the Bryansk-Gomel frontier

Svetlana N. Starodubets

PhD in Philology, Professor,
Department of social and economic and humanities,
Bryansk State University
named after Academician I.G. Petrovsky,
241036, 14 Bezhitskaya st., Bryansk, Russian Federation;
e-mail: starodubets.madam@yandex.ru

Ol'ga V. Belugina

Senior Lecturer,
Department of social and economic and humanities,
Bryansk State University
named after Academician I.G. Petrovsky,
241036, 14 Bezhitskaya st., Bryansk, Russian Federation;
e-mail: obelugina@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the study of the structure and semantics of the ritual "Farewell to the mermaid", which currently operates on the territory of the Bryansk-Gomel frontier. The

authors consider two regional variant of the East Slavic "ritual text" – Russian and Belarusian. Russian regional version of the ritual is reproduced from the interviews with the respondents, permanent residents of the village of Spiridonova Buda Zlynkovskogo district, the Bryansk region. Belarusian version is reproduced with the help of the method of video recording of the ceremony and the interviews with the respondents, permanent residents of the village Osofsky Buda, Dobrush district, Gomel region. The authors state that the structure of the rite has a traditional archaic character, the semantics of the ritual is presented by two components: subject-predicate meaning of "farewell" and mythological image of the mermaid, spirit of water and fields. The authors note that the ambivalence of the image of the mermaid is connected with the perception of it as a "constructive" and "destructive" spirit by the Eastern Slavs. Moreover, the authors describe the symbolic importance of the ceremony, which means "away from disaster", "protection from harmful impact of insects and birds", "prayers for rain", "farewell to the spirit into the invisible world in order to bring all people's wishes to the God".

For citation

Starodubets S.N., Belugina O.V. (2016) Osobennosti funktsionirovaniya obryada "Provyody rusalki" na territorii bryansko-gomel'skogo pogranich'ya [Peculiarities of the rite "Farewell to the mermaid" on the territory of the Bryansk-Gomel frontier]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and civilization], 4, pp. 438-448.

Keywords

Mythological representation, ritual, mermaid week, symbolic value, ambivalence.

References

1. Agapkina T.A. (2009) Rusal'naya nedelya [Mermaid week]. In: Tolstoi N.I. (ed.) *Slavyanskie drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 4, pp. 501-503.
2. Bankova T.B. (2006) Profannoe i sakral'noe v tekste sibirskoi svad'by [The profane and sacred in the text of the Siberian wedding]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State University], 112, pp. 6-19.
3. Lin D.G. (2003) *Traditsii material'noi i dukhovnoi kul'tury Vostochnogo Poles'ya: Problemy izucheniya, sokhraneniya i razvitiya v postchernobyl'skoe vremya* [Traditions of material and spiritual culture of East Polesye: study, preservation and development in the post-Chernobyl period]. Gomel.
4. Novak V.S., Kastryt'sya A.A. (2007) *Prykmeti i paver'i Gomel'shchyny: ukladanne, sistematyziatsyya, tekstalagichnaya pratsa, ustupnyya artykuly. Aytary-skladal'niki* [Signs i power of the Gomel region: attachment, filing, TextAlign work, introductory articles]. Gomel: Bark Publ. Available at:

- <http://www.gsu.by/pages/Dounar-Zapolski/%D0%97%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BD%D1%96%D0%BA-7.htm> [Accessed 26/-7/16].
5. Sivitski U.M. (2013) Karelyatsyi mifalagemy rusalki: rusalka i dukhi palyavykh raslinnykh lokusaŷ [Correlation of myths mermaids: mermaid and perfume field of plant loci]. *Tradytsyi materyyal'nai i dukhoŷnoi kul'tury Uskhodnyaga Palessya: problemy vyvuchennya i zakhavannya ŷ postcharnobyl'ski chas. Materyyaly IV Mizhnarodnai navukovai kanferentsyi* [Traditions of material and spiritual culture of East Polesye: study, preservation and development in the post-Chernobyl period. Proc. of the IV Int. Conference]. Gomel, pp. 54-56.
  6. Sysoeva G.Ya. (2002) Rusalki "vedutsya" na podarki [Mermaid are waiting for gifts]. *Chelovek i nauka* [Man and science]. Voronezh, 9, pp. 41-43.
  7. Tul'tseva L.A. (2013) Zagoven'e na Petrov post: etnokul'turnoe nasledie russkikh v obrazakh utushki, kostromy, rusalki-konya [The eve of the fast of the apostles: the Russian ethno-cultural heritage in the images otoski, kostroma, mermaids-the horse]. In: Vlasova I.V. (ed.). *Russkie: etnokul'turnaya identichnost'* [Russians: ethno-cultural identity]. Moscow: IEA RAN Publ., pp. 237-262.
  8. Vinogradova L.N. (1986) Mifologicheskii aspekt polesskoi "rusal'noi" traditsii [The mythological aspect of Polissya "mermaid" tradition]. In: Tolstoi N.I. (ed.) *Slavyanskii i balkanskii fol'klor. Dukhovnaya kul'tura Poles'ya na obshch斯拉vianskom fone* [Slavic and Balkan folklore. The spiritual culture of Polesye at the all-Slavic background]. Moscow: Nauka Publ., pp. 88-133.
  9. Vinogradova L.N. (2009) Rusalka [Mermaid]. In: Tolstoi N.I. (ed.) *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary]. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 4, pp. 500-501.
  10. Vinogradova L.N. (2000) Rusalki v polesskikh verovaniyakh i obryadakh [Mermaids in woodland beliefs and rituals]. *Narodnaya demonologiya i mifo-ritual'naya traditsiya slavyan* [Folk demonology and mytho-ritual tradition of Slavs]. Moscow: Indrik Publ., pp. 141-195.